

Юрий
Толдыков

Юрий
Толдыков

Государственная
недостаточность

АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-92
ББК 84(2Рос=Рус)6
П 54

Охраняется законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения Издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Автор-составитель *Николай Казаков*

Оформление переплета – *Анастасия Орлова*

Поляков, Юрий Михайлович

П 54 Государственная недостаточность / Юрий Поляков. – Москва : АСТ, 2014. – 608 с. – (Сборник интервью).

ISBN 978-5-17-087146-9

Юрий Поляков не боится предстать перед читателем в развитии. Его ошибки, заблуждения, метания, обольщения, разочарования происходят не от желания приспособиться, прильнуть, «встроиться», а от стремления разобраться в том, «куда влечет нас рок событий?». В сущности, тот путь, который за минувшие тридцать лет проделал молодой «прогрессивный» прозаик, пытавшийся лечить советскую власть с помощью агрессивной правды, прошла и вся думающая часть нашего общества. Мы поняли: если на наручниках выгравировано слово «свобода», они от этого не перестают быть наружниками. Мы все изменились.

В настоящий том вошли интервью с 1986 по 2005 г.

УДК 821.161.1-92
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-087146-9

© Поляков Ю.М., 2014
© ООО «Издательство АСТ»

КАК Я БЫЛ ИНФОРМАЦИОННЫМ ПОВОДОМ

В моем архиве хранятся газеты и журналы с сотнями интервью, которые я давал разным изданиям в течение без малого тридцати лет. Журналисты взяли за меня, едва я дал им веский информационный повод, опубликовав в журнале «Юность» повести «ЧП районного масштаба» и «Сто дней до приказа», прежде запрещенные цензурой. С тех пор люди с диктофонами навещают меня чаще, нежели друзья с бутылками хорошего вина или лучшей водки. В интервью и беседах речь идет о моих писательских, театральных, киношных, семейно-бытовых делах, но неизбежно разговор ширится, касаясь состояния отечественной культуры, бед нашего общества и даже поведения властей предрержащих. Писатель в России традиционно вовлечен в политику, и если заявляет, будто она его не интересует, это примерно то же, как если бы он признался, что его не волнует половая жизнь человечества. Ну и что хорошего? Лично я книги такого писателя читать не стану. Политика — это зримые нам, пигмеям, трепеты и колебания Левиафана Истории. Как можно этим не интересоваться?

В начале 2004 года, готовясь к 50-летию, я собрал в книгу несколько десятков интервью, показавшихся мне наиболее внятными, острыми и концептуальными, а также минимально дублирующими друг друга. Впрочем, повторы в интервью неизбежны и порой весьма содержательны. Во-первых, новая мысль появляется в твоей голове, конечно, чаще, чем новая женщина в твоей жизни, но не настолько регулярно, чтобы насытить каждое интервью россыпью оригинальных идей. Во-вторых, если читать внимательно, можно заметить, как то или иное утверждение, повторяясь, меняется, обретает иные оттенки, смыслы, а потом вдруг вообще может превратиться в свою противоположность. Особенно

опасно, по моим наблюдениям, постоянно возвращаться к вымышленным эпизодам своей творческой биографии (литераторы любят пофантазировать!). На втором-третьем повторе читатель уже догадывается: а писатель-то соврамши! Нехорошо...

Когда я выстроил интервью в хронологическом порядке, то понял: получился своего рода невольный дневник, искренний, местами изощренно откровенный, местами простодушно лукавый, наполненный множеством подробностей и деталей, через которые и можно понять Промысл, а также внутреннюю эволюцию автора, которая выражается не только в словах, но и в том, какие издания публиковали твои рассуждения. А поскольку два идейных стана российской журналистики относятся друг к другу со свирепостью разведенных супругов, обреченных жить в кошмаре коммунального соседства, можно сделать очень любопытные и далеко идущие выводы об извивах писательской судьбы!

Книга под названием «Апофегей российского масштаба. Интервью 1986–2004 гг.» была опубликована летом 2004 года, мгновенно разошлась и стала с тех пор библиографической редкостью. На встречах читатели нередко спрашивали: «Когда выйдет сборник новых интервью? Да и прежний переиздать не мешало бы...» Я, конечно, обещал, но, когда пишешь роман в полторы тысячи страниц, переключиться на составление какого-то компендиума былых дум то же самое, как оторваться от созидания новой космогонии для прибивания к стене семейно необходимой полочки. Но вот «Гипсовый трубач», к удивлению читателей, закончен, не за горами мое 60-летие, которое надвигается с той веселой неизбежностью, с которой когда-то приближались летние каникулы. И я решил выполнить давнее обещание — подготовить к печати мои интервью за минувшие десять лет, утя при этом ошибки предыдущего издания.

Интервью, как я уже дал понять, — коварный жанр. Даже самый осторожный и уклончивый говорун в беседе с умным журналистом невольно пробалтывается и выдает то, что старательно прячет в своем творчестве или публичной деятельности. Иллюзия сиюминутности и необязательности заставляет человека в интервью быть гораздо искреннее, нежели он обычно себе позволяет. Кстати, именно поэтому редкий политик или труженик культуры отваживается, собрав свои газетно-журнальные откровения в книжку, выставить их на суд современников. Для иных общественных деятелей, особенно либерального клана, это равносильно политическому самоубийству, ибо гибкость, доведенная до беспозвоночности, мало у кого вызывает уважение. Да и мастерам искусств, припадавшим на протяжении жизни к грудям совершенно разных идейно-эстетических кормилиц, это опасно.

Подобный невольный дневник может повредить репутации, лелеваемой нынешними литераторами не хуже кредитной истории.

Но я не боюсь предстать перед читателем в развитии. Мои ошибки, заблуждения, метания, оболыщения, разочарования (а их в собранных интервью достаточно) происходят не от желания приспособиться, прильнуть, встроиться, а от стремления разобраться в том, «куда влечет нас рок событий?». В сущности, тот путь, который за минувшие тридцать лет проделал молодой «прогрессивный» прозаик, пытавшийся лечить советскую власть с помощью агрессивной правды, прошла и вся думающая часть нашего общества. Мы поняли: если на наручниках выгравировано слово «свобода», они от этого не перестают быть наружниками. Мы все изменились. Правда, одни это сделали, ища истину, другие, выискивая выгоду. С годами у меня, кстати, сложилось мнение, что иногда заблуждения самый короткий путь к истине.

Готовя интервью к печати, я позволил себе лишь исправить ошибки и опечатки, сократить явные повторы, а также отредактировать очевидное мое косноязычие. Как писал В. Ходасевич: «Бог знает, что еще бормочешь, ища очки или часы...» К сожалению, должен отметить: материалы последних лет потребовали большей редактуры, нежели те, что вошли в «Апофегей российского масштаба». Увы, новое поколение журналистов считает, что интервью — это всего лишь расшифрованная, снятая с магнитофона речь — не более. Неверно! Устная речь, если только человек не говорит заготовками и трюизмами, а мыслит вслух, — всегда рыхлая, путаная, синтаксически неряшливая — и тащить всю эту вербальную нескладуху в печатный орган недопустимо. Но тащат! Современный молодой журналист — эпикуреец, он лучше сбегает на лишний пресс-коктейль, нежели посидит, упорядочивая и оттачивая записанный разговор. Впрочем, иногда журналист не виноват. Сам, будучи главным редактором, знаю, как начальство умеет гаркнуть: «В номер! И никаких «но»!»

Тут не могу не вспомнить одну историю, приключившуюся со мной в 70-е годы, когда я работал корреспондентом писательской многотиражки «Московский литератор». Мне поручили взять интервью у тогдашнего председателя столичного объединения поэтов Владимира Цыбина — человека могучего и сурового, перед которым наш главный редактор лебезил, как проштрафившийся автолюбитель перед гаишником. Мы побеседовали, а когда я вернулся домой и включил диктофон, выяснилось, что механизм «зажевал» ленту и от всего двухчасового интервью остались слова: «Современная поэзия это...» Ледяная молния ужаса перед неотвратимостью наказания пронзила мой организм. Остался единственный выход — вспомнить все, что Цыбин говорил мне под

запись. Память моя, тогда еще свежая, как простыня в хорошем отеле, не подвела. Я восстановил нашу беседу и, трепеща сердцем, понес на визу. Он, хмурясь, долго читал, несколько раз доставал авторучку, чтобы поправить текст, но, поколебавшись, снова убирал в боковой карман. Закончив и расписавшись на страничках, Владимир Дмитриевич внимательно посмотрел на меня и спросил: «Где вы так хорошо научились брать интервью? Обычно все тонет в ненужных мелочах и оговорках, одна путаница выходит, а вы взяли только самое главное! Молодец!» Я не стал объяснять, что, как говорится, не было бы счастья — несчастье помогло. Просто ненужное, мелкое, неяркое я забыл, а главное запомнил...

В идеале интервью должно быть именно таким. И мое редакторское вмешательство при подготовке этой книги как раз и свелось к ликвидации моей же словесной невнятицы, механически перенесенной журналистами на газетную полосу. Обычно я это делаю перед тем, как завизировать текст, но многие интервью у меня брали в командировках на бегу, даже на лету — и они выходили в свет без моего пригляда. Пришлось помянуть, сознаюсь, иные названия, ведь когда в пятый раз натыкаешься на заголовок типа «Как слово наше отзовется...», рука невольно тянется туда, где военным положено носить табельное оружие. Остальное: противоречивые оценки, менявшиеся симпатии, политические обольщения, неудачные прогнозы, грандиозные творческие замыслы, оказавшиеся пшиком, — все это сохранено в неприкосновенности. Кроме того, после колебаний я решил включить в книгу небольшой раздел «Кое-что о непорядочной журналистике». Увы, бывает и такая, если корреспондент идет к тебе не только с диктофоном, но и с глумливым предубеждением. На этот счет у меня имеется печальный опыт, и я решил им поделиться. Уверен, выпускники журфаков, получая диплом, обязаны давать клятву «Не искази!». Впрочем, врачи дают клятву Гиппократу. И что?

И последнее. Всякая беседа — плод совместного творчества интервьюируемого и корреспондента. Вместе со мной в создании этой книги принимали участие десятки столичных и губернских журналистов, знаменитых и не очень, здравствующих и, к сожалению, уже покойных, к тому же работавших в разных редакциях. Одни издания продолжают выходить в свет, а другие давно закрылись, не выдержав рыночной изнанки свободы слова. Учитывая все эти организационно-правовые сложности, будет, наверное, правильно и справедливо, если весь наш общий гонорар за сборник поступит в Фонд помощи семьям погибших журналистов.

Юрий Поляков

Переделкино, июль 2014 г.

1986—1991

ПОРТФЕЛЕНОСЦЫ КОМСОМОЛУ НЕ НУЖНЫ

— *Тема нашей беседы подсказана вашей повестью. Читательские конференции, полемика в печати, острые письма — пишут «все возрасты» — все это говорит об одном: вам удалось нащупать болевые точки в жизни комсомола. Многих повесть задела за живое — и руководящих работников, и рядовых комсомольцев. Сразу условимся: не станем затрагивать саму повесть, поговорим о проблемах, обозначенных в «ЧП». Но прежде всего вопрос: откуда у вас знание специфики комсомольской работы?*

— Как у тысяч ребят, моя юность, молодость и мой сегодняшний день связаны с комсомолом. Был секретарем комсомольской организации в школе, членом комитета — в институте, работал инструктором одного из столичных райкомов комсомола, шесть лет подряд меня избирали секретарем комсомольской организации Московского отделения Союза писателей. Пять лет входил в состав бюро райкома. Видно, тяга к общественной работе — от семьи: мать многие годы была секретарем небольшой заводской парторганизации, отец — коммунист со стажем. Отсюда, наверное, и знание.

— *И заостренность, полемичность ваших суждений вполне понятна, Юрий. Ведь это разговор о личном, пережитом, наблевшем.*

— Как это ни вызывающе звучит в тридцать лет, но ведь полжизни отдано комсомолу, комсомольской работе, а с годами видишь: что-то из комсомола ушло или уходит. Не

говорю об экономике: заслуги многомиллионного комсомола здесь велики, очевидны, общепризнанны. Средний возраст городов, где создаются гиганты современной индустрии, — комсомольский. Сейчас — о другом. О стиле, формах работы.

— *Но может быть, речь идет в вашей повести о «плохом», нетипичном райкоме?*

— Пригласили меня недавно выступить на семинаре секретарей райкомов и горкомов — около трехсот человек собралось. Сажу и ловлю на себе осуждающие взгляды. И выступают некоторые довольно агрессивно: мол, сгустил краски, не все так плохо... Приводят примеры «хороших» райкомов, «хороших» секретарей, заворгов, инструкторов. Да кто спорить станет? Есть у нас настоящие комсомольские лидеры, прекрасные комсомольские работники — их немало... Но вот начинают говорить те же ребята о своих бедах, и получается, что как будто об одном райкоме идет речь — «плохом». Беды-то общие.

Сидишь на комсомольском собрании и слышишь: «Мы должны изучать интересы молодежи». От кого слышишь? От своих же райкомовцев. Взобравшись на трибуну, звонкими, хорошо поставленными голосами они «призывают», «мобилизуют», «активизируют». Но, спрашивается, сами-то кто они?! Не молодежь разве?! Уж эти собрания!

Будто заасфальтированное поле — ни одного живого росточка. Выступления заранее обговорены, согласованы, отрепетированы. Восторженные рапорты, парадные слеты, бесчисленные постановления, пышные резолюции. Работа?! Подчас имитация таковой. Райкомовцы из простых хороших парней превратились в меру расторопных, в меру невозмутимых и осторожных чиновников. Я побывал на десятках читательских встреч, меня приглашали в самые разные молодежные аудитории, начиная с моего «родного» дэза и кончая редакцией газеты «Правда». И всюду, как я понял, в каждой комсомольской организации, велика она или мала, есть «хронически улыбающаяся секретарша», от которой никогда ничего толком не добьешься. Процветает своя Шнуркова — есть у меня такая «обреченная на формализм» героиня неопределенно-комсомольского возраста. Не при-

думан, не сочинен заворг Чесноков — работающий, энергичный, напористый парень, немного — для равновесия — избражающий из себя разгильдяя. Да, он справится, не подведет, не сорвет работу, ему дорого дело. Но не потому, что это дело, которому он служит, а потому, что это дело, которое служит ему. Такой Чесноков был в нашем райкоме. Удобно, судя по всему, чувствует он себя во многих комсомольских организациях.

— *С момента публикации «ЧП» прошло почти два года. За это время было принято Постановление ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении партийного руководства комсомолом и повышении его роли в коммунистическом воспитании молодежи». Состоялся XXVII съезд партии — его идеи, дух больших перемен проникли в массы молодежи. Не «устарели» ли на этом фоне проблемы, поднятые в повести?*

— Безусловно, что-то начинает меняться. Постепенно складывается качественно новая обстановка в молодежной среде. Но сила инерции — увы! — велика. Никак не можем отказаться от надежды изобрести некую универсальную форму работы «посовременнее», позаковыристее. Захожу на днях в один райком и слышу, как третий секретарь спрашивает на ходу руководителя комсомольской организации НИИ: «Ты план мероприятий по перестройке составил? Другие уже подали!»

А вы говорите — устарело «ЧП районного масштаба»!

— *Парадокс, в общем-то. В чем упрекают обычно молодых? В излишней самостоятельности суждений, независимости поведения, максимализме... И вдруг — бумажная суета, бумаготворчество.*

— Об этом, собственно, моя повесть. Ведь что такое райком? Как бы застава между «первичками» и горкомом. Но непосредственно граничит застава с «первичками», а это — заводской комсомол, вузы, школы, ПТУ, их дела, учеба, работа, отдых, их проблемы, трудности. В общем, вся жизнь. Но только застава «наоборот», призванная не разделять, но сплачивать, связывать. И кто чем живет, кто чем дышит — райкомовцы должны знать. А они, райкомовцы, культивируют этакую респектабельность, не оправданную вовсе ни молодежным своим статусом, ни личной значимостью, — райком,

где я работал, был в этом смысле, можно сказать, «образцовым». И вот уже инструктор — не молодежный вожак, а представитель. Вышестоящей организации представитель. Он рекомендует, координирует, согласовывает, «прорабатывает» вопрос. Его порой не оторвешь от телефонной трубки, а в заводском комитете комсомола, в рабочем или студенческом общежитии «вожака» не видят от мероприятия до мероприятия... И секретарь райкома, надежно отгороженный от рядовых комсомольцев полированной дверью рабочего кабинета, трибуной, стеклами персональной машины. Все работают, все кружатся в вихре неотложных дел. Самого дела нет. И уже не понимаешь: кто для кого существует — райком для молодежи или молодежь для райкома?

— *Застава, если воспользоваться вашим сравнением, что-то вроде бюрократического заслона.*

— По стилю, методам иной райком уже не райком, а, по крайней мере, ведомство. А слова-то какие появились в комсомольском лексиконе: «аппарат», «аппаратчик». И это не просто слова — по аппаратным качествам оценивают полезность, ценность комсомольского работника. Конечно, аппарат и должен работать как хорошо отлаженный механизм. Но не сам по себе. Кажется порой, отключи райком от «первичек», он будет так же функционировать: докладывать, рапортовать, получать грамоты, выпелы, получать поощрения и взыскания.

— *А каким работником были вы сами, если откровенно?*

— Когда работал в райкоме? Типичным аппаратчиком! Не лучше и не хуже других. Тот же двухгумбовый письменный стол, те же бумаги, та же телефонная трубочка, прижатая плечом к уху. Текучка, заседательская суета, улыбчивый оптимизм и сдержанная торопливость. И, не вытравленная временем, стоит перед глазами картина: входит в кабинет четырнадцатилетний мальчишка — аккуратненький, наглаженный, — его сегодня должны в комсомол принимать. В комсомол! Всю жизнь должен он вспоминать этот день. А ты ему обкатанные, затертые слова говоришь. Одному, другому, третьему. И вопросы задаешь похожие. А они ведь все разные, эти мальчишки и девчонки, и почувствовать это ты должен. Но куда там при наших темпах: ведь цифра при-

ема в комсомол — лицо любого райкома. Должен многих комсомольцев знать в лицо. А они — меня. Но если и прихожу в организацию — как «ревизор». Зарываюсь в протоколы, будто только в них ответ, как организация работает.

— *«Люди, завернутые в резолюции, как в пухлые одеяла, мирно, спокойно почивают и думают, что они руководят организацией...»* Согласитесь, будто сегодня сказаны эти слова Александром Косаревым. А ведь не сегодня — перед войной, когда генерального секретаря ЦК ВЛКСМ командировали в комсомольскую организацию «Трехгорки» для оживления работы.

— Да, пресловутая «аппаратная активность» — болезнь застарелая. Но лечиться от нее можно и нужно. Лечиться — делом! Пусть оно будет совсем небольшое. Как то, что из моей райкомовской практики. Отвоевали мы под крышей Центрального Дома учителя комнатку. Стали собираться: молодые учителя, поэты, музыканты, художники, рабочие. Слушали музыку, читали стихи, разговаривали об искусстве. Люди стали друг другу необходимы, интересны, что-то зажглось внутри нас самих. Как знать, может быть, такой вот неформальный и вовсе «немасштабный» клуб способен оставить в душе больший след, чем претендующие на «всеохватность» акции, походы, смотры?

— *В наших же силах, в конце концов, выбраться из-под «пухлого одеяла».*

— Так-то оно так. Но вот приходит к тебе секретарь школьной «первички»: хотели на заработанные деньги купить палатки, спортивную форму, рюкзаки — не смогли, просят помочь. А как помочь ребятам, если, согласно новой инструкции о привлеченных средствах, сплошные «нельзя», «не разрешается», «запрещается». Вот залежалые на торговых базах мячи, застоявшиеся спортивные «козлы», какой-нибудь кубок с изображением аквалангиста — можно, берите. Через неделю-другую позвони тому же секретарю: давай, мол, готовь рапорт о спортивных достижениях. Знаете, что можно услышать? И про себя лично, и про весь райком комсомола...

— *Если бы сейчас снова — в райком... С чего бы вы, Юра, начали?*

— Не с чего — с кого, точнее сказать. С себя! Я не правомочен, да и не смог бы, дать далеко идущие рецепты и